

Е «ЛАНДЫШИ» звучали когда-то из всех репродукторов. А потом... Хрупкая, тоненькая певица, кумир целого поколения с хрустальным голосом и загадочным для русского слуха именем куда-то исчезла. Была - и не стало. Многие думали: жива ли? Может, уехала за границу, как многие забытые ныне артисты? А она никуда не уезжала. Мало того, Гелена Великанова собирается отметить 50-летие творческой деятельности грандиозным концертом и открыть памятную звезду со своим именем на нашей отечественной Аллее звезд перед Концертным залом «Россия».

- Вы знаете, что первый концерт эстрадного артиста на открытии этого зала был мой? Я тогда очень много пела. А потом, потом у меня пропал голос. Это случилось лет восемнадцать назад перед концертами в Риге. Просыпаюсь утром - и даже говорить не могу. Ко мне привели прекрасного врача, полковника медицинской службы, который меня успокоил: мол, вечером я смогу петь на концерте. Он мне сделал какие-то вливания, и я действительно спела. Наутро ситуация повторилась - я снова онемела...

Он лечил меня четыре дня. А когда уже в Москве я пришла к своему врачу-фониа-



Гелена Великанова никуда не уезжала: она просто растила детей и внуков.

Гелену Великанову держали НА НАРКОТИКАХ

Известная в прошлом певица пережила потерю голоса, забвение, развод с Николаем Доризо, а теперь, в 70 лет, решила вернуться на большую сцену

ру, потому что голос так и не вернулся, тот сказал: «Да вам же делали блокаду наркотиками!». И объяснил, ЧТО на самом деле мне вливали: «Молитесь Богу, что вы не стали наркоманкой». Потому что это очень страшная вещь - 4 дня подряд держать человека на наркотиках. После этого я девять месяцев вообще не могла ни петь, ни говорить. И когда мне начали потихонечку восстанавливать голос, он у меня стал уже низким. Теперь я пою в других тональностях. Хотя мастерство актерское, которому меня научили педагоги - Андровская, Петкер, Кторов, - осталось то же самое.

С врачом этим, кстати, потом произошла страшная история. Он оказался психически больным человеком и покончил жизнь самоубийством. Пошел в лес со своей семьей и из ружья расстрелял свою жену и дочек - 8 и 16 лет. А потом выстрелил себе в рот. Старшая дочка доползла до дороги, видно, он уже слегка опомнился и промахнулся, попал ей в плечо. Она до сих пор жива...

- Так, значит, ваше внезапное исчезновение с эстрады вызвано именно потерей голоса?

- Нет, это никак не связано. Просто однажды меня перестали пускать не телевидение, стирали пленки на радио.

- Почему?

- Я так думаю, потому, что

я была хорошей артисткой. Слишком хорошей для нашей эстрады. И доступ на нее мне закрыли. Директор Театра Эстрады (покойный Борис Брунов. - Прим. автора), я знаю, при всех говорил: «Пока я жив, в моем театре ее ноги не будет!». Не пускали меня выступать, даже когда были ретро-концерты. Кто уж более ретро, чем я?

Но я не грешу ни на кого. Многие из этих людей ушли в мир иной, пусть Бог их простит.

- Не отчаялись ли вы? Ведь до этого вы были очень популярной певицей.

- Да, а потом - раз! - и стерли меня отовсюду. Но меня поддерживали близкие. И потом я продолжала петь, выступала на радио, на телевидении, везде, кроме эстрады. Ездил по городам, давала сольные концерты, пела уже тем голосом, который у меня сегодня есть. Но пела всегда живьем! Конечно, я умела своими руками ломать, корежить свою жизнь, есть у меня такой дар, но семья у меня всегда была прекрасная, и она меня спасала.

- А родные ваши имеют отношение к эстраде, к шоу-бизнесу?

- Нет, и никогда не имели. У меня изумительная дочка Лена, она переводчик, необыкновенная внучка Динара, ей 18 лет, она учится на юридическом факультете МГУ и работает в фирме у известного адвоката, зять,

который безумно любит мою дочь и внучку, и его мама, которая мой очень близкий друг. Вот моя семья. Мой муж был умным и интересным человеком, он умер три с половиной года назад, у него очень болело сердце...

- А вам не хотелось уехать за границу, как сделали очень многие ваши коллеги, когда их начинали «зажимать»?

- Они за границу рвались по другой причине: хотелось поесть вкусно и хорошо. Я же никогда не хотела никуда уезжать. Я была два раза в Америке, и мне предлагали остаться, говорили: твои девочки прекрасно знают язык, вы не пропадете. Но мы отвечали: у нас есть свое место в жизни, и оно - в России.

- Наверное, когда наступил период забвения, у вас начались материальные трудности? Ведь популярность - это всегда и большие деньги...

- У меня другие потребности. Все, что у меня было, - это только имя и фамилия, которые собирали полные залы. Конечно, прежде я получала много, хорошо одевалась, и жили мы, я считаю, прекрасно, а потом вдруг не осталось ничего, кроме мастерства. Но деньги - не главное. Я никогда не собирала антиквариат, шубы... Вот концертные платья - это да! На каждую программу я шила четыре новых платья, которые запоминались всем. И тут я не

знала, что такое «дорого-недорого». Шила у Зайцева. К сожалению, теперь мне это не по карману.

А вот виллу, честно говорю: не хочу. Она большая, а я ведь начну ее мыть, убирать. У меня стерильная чистота. Вот посмотрите, какие у меня руки страшные! Эдита Пьеха сказала, что у актера должны быть чистые руки. Так вот, у меня очень чистые руки, трудом чистые.

- Кроме пения, я знаю, вы еще и преподавали.

- Да, 9 лет вместе с Иосифом Кобзоном мы вели класс в «Гнесинке». Но потом я ушла. Это же унижительные копейки, что мне платили. Мои ученики за вечер зарабатывали больше, чем я за полгода.

- Не страшно возвращаться на сцену после такого долгого перерыва?

- Страшновато. Мои слушатели привыкли, что я пою песни на стихи Цветаевой, Казаковой, Блока, Киплинга. А на концерте вместе со мной будут молодые артисты, к которым придет совершенно другая публика. Но я к этому отношусь философски. Моя внучка говорит, что я - «каменный век». Как мне не нравятся современные песни, где по 18 раз повторяется одна и та же фраза, так и им кажется, что мои песни скучные.

- Неужели на нашей эстраде

два раза» - это непристойно!

Хотя, когда я слушаю Гребенщикова, я умираю от наслаждения, думаю: Боже мой, как Бог дал ему такой талант, что он ТАК поет. Это какая-то нечеловеческая музыкальность, энергетика. Причем он спокоен, не обливается потом. Станиславский говорил, что артист на сцене потеть не имеет права. И это надо нашим молодым взять на вооружение. Поменять одежду с нейлоновой на хлопковую и не измазывать себя такими кремами. Я не могу смотреть, когда любимый мой Валерий Леонтьев истекает потом.

- А с певицами вашего поколения вы отношения поддерживали, дружили?

- С Майей Кристалинской мы жили в одном доме. С Пьехой виделись только на концертах и в юри. Нет, дружбы не было. Как сейчас, так и тогда были соперничество и ревность. Но я всегда была в стороне. Мне было с ними неинтересно. А им со мной. Я, например, человек непьющий. Я не люблю мат. Так уж меня мама воспитала. Я их угнетала, а они - меня...

- А безумства ради вас мужчины совершали?

- Совершали, но неинтересные. Прыгали из окна. Но я считаю, что это смешно. У меня были романы продолжительные, но я очень нетерпимая была. Первый раз я вышла по великой любви замуж за Николая Доризо, а через 9 с половиной лет ушла от этого человека. Просто взяла дочку и ушла.

- А влиятельные покровители тоже были?

- Были и влиятельные поклонники, но я никогда не была близка с людьми властными. Общалась только во время правительственных концертов и когда Хрущев собирал на даче интеллигенцию. Однажды во время такого приема Хренников подвел ко мне Брежнев (он еще не был Генсеком), и тот начал со мной кокетничать. И я подумала: «Что за тракторист такой?» - я-то никаких поводов ему не давала. Были поклонники - поэты, композиторы известные. Но я всегда выглядела такой довольной жизнью, что им даже в голову не приходило, что я могла нуждаться в помощи...

Анна КАЛИНИНА-АРТЕМОВА.